

13 ИЮНЬ 1985
СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ
г. Новосибирск

ГОЛОС ЛЮБВИ

Уже 20 лет звучит со сцены театра «Красный факел» чарующий голос актрисы Валентины Леонтьевны Мороз. Голос, наполненный настоящей жизненной правдой и согласованный с особым складом ее актерской души.

К появившейся 20 лет назад молодой актрисе был проявлен обостренный интерес и со стороны театра, и студией телевидения, и даже киностудией «Мосфильм». Чем объяснить такое повышенное внимание к дебютантке? За плавной мелодичностью речи, за нежными оттенками тембра и какой-то лирической затаенностью режиссеры угадали необъяснимую притягательность, так необходимую для актрисы-героини. И пробный камень был брошен. Валентина Мороз сыграла Ольгу в спектакле «Яков Богомолов» М. Горького.

Зрители увидели женщину-искусительницу, перешагнувшую грань условных семейных отношений, чтобы вырваться, наконец, из давящей атмосферы на волю и обрести самое себя. Этот осознанный отход от обыденности, затаенной житейскими путями, полное «погружение» в чувственную сферу, в которой она искала смысл своего бытия, и составлял таинственное содержание роли.

Любовь окутала сознание Ольги, любовь же и привела к драме. Тема несбыточной любви, мелькнувшая в первой работе Мороз, вскоре стала главной в ее творчестве.

Серьезным признанием самобытности актрисы, ее органической способности переплетать в роли конкретное бытовое проживание с возвышенным существованием, было назначение на роль Надежды Монаховой в спектакле «Варвары» А. Горького.

При всей реальности фигуры Монаховой произошел загадочный эффект переломления ее земной, человеческой сути в нечто фантастическое. Она воспринималась одновременно как плотское создание и как вездомное недосыгаемое существо. Плывающая походка, замедленные жесты, странные слова приобретали иное значение, выглядели как затяжное прощание Монаховой с этой утомительной реальностью, ставшей такой тяжелой и угнетающей для нее. От виолончельного звука ее голоса вздрагивали нервные дамы, обращались на своих покровителей, предчувствуя неладное. Соблазнительная Монахова заполняла собой все жизненное пространство захолустного городка, расстраивала гладкую систему жизни приезжих стройных дам и отмеченных ею героев-мужчин.

Русская Венера неприкаянно бродила по заброшенному саду, задерживая страстный взгляд на воображаемом спасителе-Черкуне, и бредила беспокойной мечтой: оторваться от варварской пустоты и пошлости, соединившись со своим избранником. В обязательной женщине не замечалась ограниченность ума и некоторая беззастенчивость поведения и суждений. Монахова — Мороз выражала идеал провинциальной женской красоты и помыслов. Ее тоске по счастливой любви сочувствовали зрительские сердца.

Не противопоставление Надежды жесткому окружению играла актриса Мороз, а сознание своей человеческой личности, как самого совершенного творения природы. Не любить природу — значит, нарушать гармонию, а разрушение равноценно смерти. Поэтому у Монаховой трагический финал. Просто, с улыбкой, роняла актриса последние слова: «Никто не может меня любить, никто», не подозревая о том, как пророчески определяют они судьбу будущих ее героинь.

Обделенная супружеским счастьем, взбунтуется Шафак («В ночь лунного затмения» М. Карима) против родовых законов, навязавших ей постыдный брак с младшим братом убитого мужа. Неизбежная тоска по сильному чувству пробьется сквозь раздольно-веселые песни желез-

и стон над скорбным не исключают и издевку над непристойным, и вспыхивание от прекрасного.

Агафья Тихоновна — оригинальное создание актрисы: в нем — фантастический голговетский текст, карикатурно-ироническая режиссерская форма и грустное, трогательное содержание, пропущенное через «нутро» актрисы. Это она заставила свою купчиху, засидевшуюся в пуховиках, вскормленную медовыми булками, порхать голубой балериной по богатым хорам. Благодаря ее юмору мы сочувствуем девице на выданье даже в ту минуту, когда она собирает, словно аппликацию, образ суженого, и раздваиваемся в ощущении правды и выдумки, желанной мечты и полудетской игры.

Можно было расстаться с наряженной в яблоневый цвет невестой, посмеиваясь над лопнувшей свадебной затеей, если бы актриса не обратила наше внимание на печальный удел женщины, пробудившейся к жизни слишком поздно. Мы увидели, как покатились удушливые слезы, вдруг обо-

нодерожной проводницы («Валентин и Валентина» М. Рождина). Загубленная бесшабашная душа Люски («Бег» М. Булгакова) не боится погибнуть на чужбине, и героиня сбежит от принужденной любви...

Все, что играет Валентина Мороз, кажется написанным для нее: уж таково свойство ее таланта — растворяться в каждой человеческой судьбе. Взгляните на Агафью Тихоновну в спектакле «Женитьба» Н. Гоголя, на эту белолетую русскую красавицу, которая, перебирая скрученные бумажки с именами женихов, искушает судьбу, и вы узнаете лукавые глаза, розовые щеки и пухлые ручки кустодиевской провинциалки.

Актриса живописна. Легко, пластично, естественно существуя в сценическом пространстве, она конструирует живописные сюжеты, при этом всегда находится в центре событий. То капризницей-деспотом в окружении замученных тетушек распростерлась посреди комнаты, а то застенчивой затворницей возникла перед восхищенными ее престестями воздыхателями. Каждая мизансцена-картина наполнена своим, особым смыслом, связанным только с драматургией роли, которую играет Мороз.

За ее героиней непрерывно следишь, потому что она непрерывно живет, живет откровенной широкой натурой, в которой смех над потешным

рвался заманчивый голос. Исчез призрачный мир...

Творческую манеру актрисы Мороз не отделить от смелости, риска и сценической раскрепощенности. Без ложной ученической робости перед именами авторов и постановщиков она добывается от материала роли и от способа изложения предельной правды. Сплав жизненной и художественной правды — основа ее искусства.

Как символ человеческого милосердия, звучит сегодня ласковый голос Мороз в спектакле «Раненые» В. Крымко. Ровный, спокойный тон не выдает критического напряжения сил у сердобольной женщины в белом халате. Заражать слабых оптимизмом, внутренним магнетизмом притягивать к себе растерявшихся в военной панике людей, чтобы с готовностью делать им добро или просто своим присутствием приносить им облегчение, вселять в отчаявшиеся души светлые надежды — вот смысл жизни медицинской сестры Вари в исполнении В. Мороз.

В каждой работе Валентины Мороз заметен глубокий след творческого осмысления прошлого, в результате которого актриса в ролях никогда не повторяется. Слово «штамп» к ней не прилипло. А вот наделить роль размахом своей вольной, мечтательной души стало необходимостью.

Л. ОДИЯНКОВА.